

УДК 1.316.3:908 (4Укр-4Дон)
ББК 87.216+26.890 (4Укр-4Дон)
М 41

*Рекомендовано до друку Вченою радою Асоціації філософів і релігіознавців
(протокол № 4 від 30.05.12 р.)*

Рецензенти:

доктор філософських наук, професор О. О. Панич
доктор філософських наук, професор М. М. Кисельов

Метафізика Донецька. Філософські есе. — Донецьк: Донецьке відділення
М 41 Наукового товариства ім. Шевченка, ТОВ «Східний видавничий дім»,
2012. — 199 с.

ISBN 978-966-317-157-9

Кожне місто створює певний принцип мислення-розуміння-буття, через який починається особисте осягнення спільних культурних (національних, державних, загальнолюдських) обривів. Логіка організації простору, відчуття плину часу, вертикальна поліфонія, динаміка історичного руху сакральних та змістовних центрів, сукупність міфів формують унікальну свідомість себе, іншого та світу. То і є принцип буття, за яким живуть, стверджують трансцендентне та вмирають. Читачеві пропонується феноменологія метафізики, яка фундує «донецьке» мислення. Це сукупність індивідуальних фіксацій загального, поза якими загальне перетворюється на пусту абстракцію. В історичних нарисах, спогадах, роздумах та описах у першу чергу цікава авторська точка зору, яка у спрямованості думки вказує на вихідну екзистенційну позицію. Через окреслення цього ментального топосу сподіваємося наблизитися до розуміння суті міста і характеру людини міста – метафізики Донецька.

Автори статей – вчені, письменники, журналісти, молоді науковці – намагалися через власні локальні осягнення поділитися досвідом входження в прихований вимір культурної онтології Донецька, який зазвичай залишається прихованим за строкатим шаром стереотипів, ідеологічних штампів та модних ярликів. Саме тому ця книга може стати й путівником для тих, хто намагається відкрити це місто для себе вперше. Розраховано на широке коло читачів, що цікавляться історією, етнологією, культурологією та філософією Донецького краю.

УДК 1.316.3:908 (4Укр-4Дон)
ББК 87.216+26.890 (4Укр-4Дон)

© Білокобильський О., Гуржи В., Додонов Р.,
Золотаренко О., Левицький В., Луковенко І.,
Козловський І., Коржов Г., Мошовський Т.,
Пасько І., Пасько Я., Сидорова К., Сироченко
кін Д., Тараненко О., Халіков Р.,
Черенков М., 2012

ISBN 978-966-317-157-9

© АФіР, 2012

**Освічений народ без метафізики -
щось на зразок храму, взагалі-то різноманітно
прикрашеного, але без святині**

Г. Ф. В. Гегель

ЗМІСТ

Білокобильський О. В. Слово про метафізику	5
I. ТОПОСИ ЧАСУ	9
Пасько І. Т. Есей про трамвай	9
Левицкий В. С. Шепот городской тишины	30
Золотаренко О. С. Страстна «йолка»	43
Сидорова К. Л. Город, который построил	48
II. ЛОКУСИ	55
Мошовський Т. М. «Город без окраин» або просторово-ментальні парадокси Донецька	55
Белокобильский А.В. Жизнь. Смерть. Миф. Пространства и горизонты донецкой идентичности	62
Пасько І. Т., Пасько Я. І., Коржов Г. О. Плавильний басейн донецької ідентичності	69
Тараненко Е. В. Донецкая мифология: смена концептов, или Уголь, Розы и Футбол	86
Луковенко І. Г. Релігійні локуси Донецька: кілька слів	110
Черенков М. Н. Два эссе	117
Додонов Р. А. Особенности хронотопа и имидж Донецка	128
III. ПЕРСОНИ І СИМВОЛИ	144
Пасько І. Т. Requiem (plusquamperfectum)	144
Халиков Р. Х. Метафізика терриконов	167
Сироешкін Д. В. Футбол з «териконівських висот»	171
Гуржи В. С. Пенитенциарная составляющая донецкой идентичности	176
Козловський І. А. Донецкий даршан	180
Золотаренко О. С. Місто на межі – місто меж	186
Белокобильский А. В. Эскизы остановленных мгновений (Донецк в «мобилке»)	191
АВТОРИ	194

Слово про метафізику

Білокобильський О. В.

Термін «метафізика» з часів Аристотеля означає першу філософію, тобто філософію як таку, в чистому вигляді. Але класичне метафізичне запитання про суще, оскільки воно є саме сущим, сьогодні вимагає нових зусиль. Це пов'язано не тільки (й не стільки!) з плином часу, що висуває нові вимоги до філософування, але в першу чергу з сутністю метафізики. Треба пригадати й зрозуміти, що питання про суще завжди було питанням про існування, в тому числі існування людини, себто й про долю запитуючого. Метафізика здійснюється лише через наочне переконання у наявності певних рис дійсності. Які були приховані від поверхневого погляду, але створювали істинну її – дійсності – основу.

Людина протягом тисячоліть уособлює центр містичного дійства: вона перетворює ідеальні смисли-ейдоси, які завжди торкаються чогось загального, на одиничні матеріальні речі навколо себе. Дійсно, те, що оточує наше тіло, торкається його, впадає в очі, дзвенить, благоухає чи гирчить, дивним чином втікає від розуму: захоплена в поняттях реальність нетотожна мінливому світу відчуттів. Але ж ми як розумні суб'єкти завжди приречені на поняттєве освоєння світу. То що ж ми осмислюємо? Чи відображають поняттєві побудови істинну основу світу, чи вони є лише її подобою (ба, паплюженням),

Особенности хронотопа и имидж Донецька

Додонов Р. А.

Категориальный аппарат философии иногда содержит понятия, в которых заключено не одно, а множество значений и контекстов. К их числу смело можно относить термин «метафизика». Андроник Родосский, Фома Аквинский, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Паскаль, Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Энгельс, Н. Гартман, М. Хайдеггер по-разному понимали его смысл. Метафизика – это и то, что «после физики», и «наука о всеобщем», и учение «о сверхчувственных основаниях бытия», и метод, противоположный диалектике, и сама философия, и т.д. и т.п. Представляется, что прежде чем говорить о метафизике Донецька, необходимо ограничить круг этих значений до минимального. Впрочем, указание предиката (метафизика конкретного города) уже само начинает эту логическую процедуру, отменяя большинство из контекстов. Что же остается?

Во-первых, метафизика города может быть рассмотрена в одном синонимическом ряду с «философией города», «идеологией города», описывая состояние общественного сознания той или иной городской общины. При этом речь идет не обо всем общественном сознании, а только об одном его уровне – высшем, системном, теоретическом, противостоящем обыденному, практическому. Метафизика предполагает высокую степень развитости сознания горожан, ощущающих

включенность отдельных биографий в историю города, единство судеб, а, следовательно, развитую рефлексию и саморефлексию. Метафизика города, с одной стороны, является продуктом процесса идентификации горожан, а с другой, сама поддерживает и подпитывает городскую идентичность.

Во-вторых, метафизика города следует за герменевтикой города. Если «физика» в данном контексте репрезентирована чувственно воспринимаемым городским окружением (улицы и дома, скверы и площади, памятники и фонтаны), то «после физики» ориентирует нас на интерпретацию несомой этим окружением смысловой нагрузки. Расшифровка данного сегмента социокультурного универсума заставляет нас обращаться не только к особенным, специфичным, уникальным событиям из истории города, но и к более широким и общим ценностно-смысловым образованиям. Не случайно Ф. Энгельс охарактеризовал метафизику как «окончательно завершенную систему всех мировых связей как физических, так и духовных, и исторических». Посредством своей «метафизики» город вписывается в цивилизационное и общечеловеческое культурное пространство.

В-третьих, уместно будет говорить о «метафизике города» как об учении о трансцендентном, то есть выходящем за границы опытных, имманентных измерений бытия, за пределы обыденного сознания. Именно эта запредельность заставляет нас обращаться к высшим духовным смыслам, скрывающимся за фасадом привычного, повседневного, к поиску ответов на мировоззренческие вопросы, связанные с жизнью и смертью, с целью жизни, с бессмертием, с высшими силами.

В-четвертых, в основе «метафизики города» лежит соответствующий хронотоп – закономерное и одновременно специфическое единство пространственно-временных координат. Термин «хронотоп» первоначально разрабатывался в физике, психологии, филологии, откуда перекочевал в культурологию и социальную философию. Понятие хронотопа фиксирует не просто наличие отвлеченных точек в пространстве-времени, но живых и неизгладимых из бытия событий. На мой взгляд, редакция настоящего сборника абсолютно оправданно

структурировала материалы по рубрикам «Время», «Пространство», «Люди и символы», охватывая различные составляющие хронотопа. По мнению М. М. Бахтина, ведущее начало в этой дихотомической связке принадлежит именно времени. Поэтому «метафизика города» неотделима от его истории.

Сказанное позволяет логически противопоставить «метафизику города» еще одному, не менее модному понятию – «имидж города». Имидж вообще – это «целенаправленно формируемый образ (лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях популяризации, рекламы и т.п., одно из средств пропаганды»¹.

Можно сказать, что имидж города – это совокупность свойств, приписываемых рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией данному городу с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему². С учетом того, что имидж города существенно влияет на его коммерческую привлекательность, он целенаправленно конструируется городской администрацией, средствами массовой информации, выдающимися деятелями культуры и всем его населением.

Отличие от «метафизику города», которая также не складывается стихийно, а разрабатывается мыслителями, прежде всего – философами, имидж города имеет четкую оценочную градацию и может быть позитивным и негативным, смешанным или противоречивым³. Возникает это потому, что имидж города складывается из набора субимиджей, то есть имиджей страны и региона, к которым относится данный город, имиджей городской администрации, муниципальных служб, правоохранительных органов, корпоративных имиджей пред-

¹ Белобрагин В. Я. Современная имиджеология и проблемы имиджа региона / В. Я. Белобрагин // Имиджеология: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Международного симпозиума «Имиджеология-2003» / Под ред. Е. А. Петровой. М., РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2003. – С. 13.

² Абышева Ю. Ю. Проблема формирования имиджа города: социально-управленческий аспект: дис... канд. соц. наук: 22.00.08 / Ю. Ю. Абышева. – Н. Новгород, 2005. – С.97.

³ Хамидова О. М. Имидж города / О. М. Хамидова, И. А. Бугаева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Экономика и управление». – Том 22(61). – 2009. – № 2. – С. 359.

приятый, организаций, учреждений, в том числе в сфере высшего образования (университетов, академий, институтов). Метафизика же изначально предполагает системность и структурно-иерархическую стройность теории, чуждую подобной мозаичности.

Отношение между понятиями «метафизика города» и «имидж города» можно раскрыть, воспользовавшись парой категорий «сущность-явление». Если метафизика предполагает какие-то внутренние, глубинные, сущностные смыслы, скрытые от непосредственного созерцания, то имидж, напротив, – это уровень явления, доходящий порой даже до видимости или кажимости. Имидж сложно формируется, зарабатывается, но все же он подвержен коррекции. Он зависит от капиталовложений, рекламы, PR-акций. Метафизическая система более консервативна и не так подвержена веяниям моды, политической и рыночной конъюнктуре и проч.

Попробуем проиллюстрировать изложенные выше тезисы на примере Санкт-Петербурга, где невыясненное соотношение понятий «метафизика» и «имидж» города привело к неудачному брендированию.

Нынешний Санкт-Петербург, как известно, хоть и не столица России, но и «не второй город страны». В этой расхожей фразе выражена особая историческая миссия города: служить для Русского мира мостом или, по А. С. Пушкину, «окном в Европу». Крупный промышленный, торговый, научный, культурный центр возник на направлении Вызова, который, по А. Дж. Тойнби, русская цивилизация ощущала в начале XVIII века со стороны Запада. В противовес старой домостро-евской, купеческо-самоварной Москве город на Неве изначально строился как европейская столица. И дерзкий, разрушающий привычные устои патриархальной жизни ответ Петра I на цивилизационный Вызов, и огромное число погибших при строительстве «северной Пальмиры», и периодически повторяющиеся наводнения, приносившие новые жертвы, воспринимались в народе как знаки богопротивности. Мол, только непомерная гордыня заставила царя создать столицу в гиблом месте вопреки законам природы и Бога. «Петербургская Россия» стала отрицанием «святой Руси», в резуль-

тате чего в толще общественного сознания родилось проклятье-предостережение: «Граду Петра пусту быть». В период ленинградской блокады 1941-43 годов эту формулу вспоминали не раз.

Герменевтика петербургской архитектуры также свидетельствует об указанной дихотомичности старой и новой Руси. Знаменитый Медный всадник – это памятник земному человеку, со всеми присущими ему страстями, достоинствами и недостатками. В нем нет и намек на Бога, точнее, на покорность и благодарность Богу. Даже подпись: «Петру I Екатерина II» недвусмысленно свидетельствует о прямом продолжении петровской политики его преемниками. А вот когда устои этой политики пошатнулись, и наполеоновские завоевания подняли вопрос о самой государственности российской, тогда снова вспомнили о Боге, и на Дворцовой площади появился увенчанный ангелом Александрийский столп.

Семантика памятников, улиц, каналов, храмов, дворцов Санкт-Петербурга выступает как бы питательной средой для проекта «Метафизика Петербурга»⁴. Город взрастил собственную интеллигенцию, способную к философской рефлексии, и приведенный выше сюжет – лишь малая доля существующих метафизических построений. Что же касается имиджа города, то оказалось, что питерские имидж-мейкеры не смогли учесть всей глубины, драматичности и возвышенности попавшего к ним в руки материала. Готовясь масштабно отметить трехвековой юбилей Санкт-Петербурга, они осуществляли широкомасштабную PR-акцию в международных СМИ по повышению привлекательности города. По данным американского социолога Ф. Котлера, 26 % европейцев были осведомлены о предстоящем юбилее, в этот год Петербург посетили 3,5 млн туристов. «Однако ничего более ценного в позиционировании города, кроме темы белых ночей и сходства с Вене-

⁴ См.: Метафизика Петербурга / Отв. ред. Л. Морева. – СПб.: Эйдос, 1993. – 315 с. (Петерб. чтения по теории, истории и философии культуры; Вып. 1); Каган М.С. Град Петров в истории русской культуры / М. С. Каган. – СПб.: АО «Славия», 1996. – 408 с.; Синдаловский Н. А. Петербургский фольклор / Н.А. Синдаловский / Вступительная статья Б. Н. Путилова. – СПб.: Максима, 1994. – 440 с.

цией, жителям Европы не было предложено. И это притом, что город имеет собственную историю, философию, уникальный архитектурно-ландшафтный облик, менталитет жителей, которые не сводятся лишь к географическим особенностям мегаполиса. Акцентирование на схожести Петербурга с Венецией не сыграло в пользу туристической привлекательности, поэтому мероприятия оказались провальными, и в последующий период количество туристов сократилось до 2,5 млн»⁵.

Обратимся теперь к Донецку, столице шахтерского края.

В отношении Донецка, как ни парадоксально, определяющее его хронотоп историческое время лучше всего описывается эпитетом,носящим не временной, а как раз противоположный – пространственный, точнее – антропо-географический контекст: «Дикое поле». Да, на протяжении практически всей писанной истории человечества, содержание эпох на Донеччине определяли бескрайние степные просторы с кочующими по ним ордами азиатов. В древности здесь находился западный участок Степного коридора, того самого, по которому в Северное Причерноморье из глубин материка пришли киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, авары, булгары и проч. Вокруг Азовского моря консолидировался ираноязычный племенной мир, точно также как греческий мир – вокруг моря Эгейского. В период Великого переселения народов, закончившегося крушением Рах Романа, Донеччина представляла собой транзитную территорию, контроль над которой переходил от одного номадного этноса к другому.

Учитывая, что Донецкий кряж позволил лесостепи вторгнуться в собственно степное пространство, граница двух природных зон стала границей и двух типов цивилизаций. Славяне-земледельцы в своих миграциях в южном направлении столкнулись здесь с кочевыми тюрками. Этот межцивилизационный контакт протекал преимущественно в форме конфронтации. Среди тюркских племен бытовало представление о большей престижности военных грабежей и завоеваний по срав-

⁵ Котлер Ф. и др. Маркетинг. Гостеприимство и туризм / Ф. Котлер, Дж. Боусен, Дж. Мейкенд: Пер. с англ. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 787с.

нению с мирным трудом, что, в свою очередь, стало основой для формирования у них культов воина-всадника, героизированных предков, войны в целом. Формы контактов с оседлыми этносами, в том числе со славянами, были разнообразны: периодические набеги, регулярные грабежи, навязанный вассалитет, данничество, но они редко носили характер мирного соседства. Особенно ярко это проявилось в период монголо-татарского нашествия и последующего их владычества.

Следствием такого противостояния цивилизаций стала невозможность формирования здесь какого-то бы ни было типа урбанистской культуры. Это была малозаселенная пустыня. На протяжении полутора тысячелетий не то что город, мелкий поселок неизменно бы разрушался в течение нескольких лет, если бы у него хватило мощности вырасти до более-менее заметных размеров. Вот почему историческое время в условиях Дикого поля оборачивалось безвременьем. Здесь не строились «чудеса света», не накапливались библиотеки, не создавались шедевры архитектуры – лишь уныло брели под палящим солнцем вереницы связанных пленников к ближайшим рынкам рабов в Азове и Кафе.

В духовной сфере психология Дикого поля оборачивалась отставанием, «хвостизмом», максимум, повторением и усвоением чужих идей и теорий. Больше того, у оседлых славян формировались архетипы незащитности перед постоянной степной угрозой, бесполезности созидательного труда, зыбкости, неустойчивости, временности всего нажитого и прожитого. Фронт христианства и ислама не предусматривал каких-либо компромиссных форм. Конфессиональная принадлежность одновременно выступала и маркером идентификации в этом предельно амбивалентном, черно-белом мире. Либо ты свой, либо чужой – такова логика войны. И этот момент, как мы увидим далее, перекочевал в современную ментальность дончан.

С усилением позиций славянства территория Донеччины осваивалась милитарными сообществами казаков: запорожских с запада, донских – с востока. По реке Кальмиус как раз проходила граница между их землями, красноречивым свидетельством чему является современный

памятник в районе парка у отеля «Виктория» – подвесной мостик над Кальмиусом, начинающийся и обрывающийся в воздухе, очевидно символизируя нынешнее состояние отношений Украины и России.

Когда во второй половине XVIII века Российская империя окончательно закрепила за собой Дикое поле и начала планомерное заселение края, этнический состав переселенцев отличался исключительной пестротой. Украинцы, русские, болгары, сербы, евреи, немцы-менониты, греки-эллины, греки-татары приносили с собой элементы своих национальных культур. Можно предположить, что львиную долю содержания менталитета нынешних горожан составляют не автохтонные элементы, сформировавшиеся в результате длительного существования в единых природных и социальных условиях, а именно привнесенные извне фрагменты.

Итак, временная составляющая донецкого хронотопа выглядит значительно урезанной. Она ограничивается юным в исторических масштабах возрастом самого города, возникшего, как и многие города индустриальной эпохи, во второй половине XIX века. Лишь острая потребность в угле и металле вызвали к жизни поселок Юзовка на реке Кальмиус. Донецк пытается за краткий миг наверстать то, что другие города нарабатывали тысячелетиями. В отличие от Киева и Москвы, Афин и Рима, Парижа и Берлина, в багаже которых лежит многовековая история, Юзовка, ставшая городом в 1917 году, не может похвастаться длительным периодом, необходимым для накопления социокультурных достижений.

Очевидно, здесь уместно будет вспомнить, что у древних эллинов было два бога времени: все пожирающий Хронос и трудноуловимый Кайрос, бог счастливого мгновения, удачи. Кайрос изображался с крыльями и с чуть ли не казацким чубом волос, за которые только и можно было ухватить пролетающего мимо бога. Не отсюда ли пошел фразеологизм «схватить бога за бороду»? Неизменным атрибутом Кайроса были весы, символизирующие справедливость судьбы, щедро отвешивающей удачу тем, кто ее заслужил. Этот бог чрезвычайно по-

читался у греков, поскольку предупреждал человека о наступлении благоприятного мига для решительного действия, что могло повлиять на всю дальнейшую жизнь.

Время Донецка носит ярко выраженный кайротический характер. Воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, Донецк стремительно вырос, всплыл, буквально взлетел на гребне промышленной революции. Не случайно в начале прошлого века Юзовку за динамику промышленного развития сравнивали с американским Чикаго. Но это стремительное всплытие обернулось «кессонной болезнью», когда материальное развитие обогнало духовное. Быть может, именно этим и объясняется заметная скудность метафизических разработок в городе...

Вторая составляющая хронотопа – пространство – также имеет свою специфику. Разумеется, речь идет не столько о географическом, сколько о метафизическом пространстве. В языческой славянской – и не только славянской – картине мира присутствует разграничение пространства по этажам-уровням. Верхний этаж – то, что над головой, небо, горы – традиционно воспринимался как место обитания Богов, а потому – идеальное, священное, благое. Средний уровень, «срединный мир» – территория обитания человека. Нижний – то, что под ногами, подземелье – ассоциировался с «царством Пека» (пеклом), царством мертвых.

Едва ли не главной метафизической особенностью Донецка является, на мой взгляд, смещение вертикальной ориентации его сакрального пространства в «нижнюю часть». Подземное царство есть зеркальное отражение царства небесного, но там все наоборот.

Быть может, именно поэтому шахтерский труд, сам по себе опасный, сопровождался архетипами коллективного бессознательного, касающимися противоестественности вторжения человека в «царство Пека». За шахтером закрепилась репутация отчаянного храбреца, который, зная все это, тем не менее, идет под землю. Боголюбивые обыватели, скорее, с неодобрением наблюдали за тем, как шахтеры – пусть и не по собственной воле, а под давлением жизненных обстоятельств и по пря-

мому принуждению – рисковали не только здоровьем физическим, но и собственной душой. Бытовало даже мнение, что под землю опускается только тело шахтера, душа же его остается на поверхности ждать его возвращения, так как вход в «царство мертвых» ей закрыт. Разумеется, при Советской власти шахтерский труд был окружен почетом и уважением, но нынешняя работа на частного собственника (да еще в условиях высокой смертности) возродила дореволюционные суеверия.

Развитая система подземных выработок под Донецком позволяет сделать вывод о том, что мощный сакральный «подвал» города стал возможен благодаря неразвитости «небесного» сектора. И действительно, в плане набожности, святости земной (и подземный) Донецк явно проигрывает городам, в которых ярко выражен «верхний этаж»: Киеву с Лаврскими куполами над днепровскими кручами или Львову с его Замковой горой.

Более того, наличие где-то там, под землей собственного параллельного мира породило среди киевской пишущей братии образ Донецка как города-двойника. «Ехать в Донецк современному литератору на самом деле опасно, ведь всегда рискуешь попасть в какой-то «параллельный» город, чья виртуальность как нельзя лучше персонализируется в тамошней прозе, – пишет И. Бондарь-Терещенко. – В общем двойственность образа шахтерской столицы подтверждает inferнальный характер самого города, ведь мало кому известно, что в природе существуют Донецк и Донецк-2. «А Донецк-2 – это где? – А я знаю? Я ж не машинист... Кажется, в Новоазовском районе», – узнаем из рассказа местной писательницы Элины Свенцицкой. В общем работа утопии – это образ двойника, позволяющий увидеть, насколько город на себя не похож. Любой «непохожести» социокультурной ситуации в Донецке не очень-то радуешься, потому что обычно ее затягивает в сторону метафизического Донецка-2, упоминание о котором воодушевляет на государственнический пафос. Дело в том, что современная культура обильна и многогранна, но порядка в ней нет. Точнее, он есть, но это порядок гетто, или даже резервации. Это мозаика

секторов литературного пространства, которые никак не соединяются. Раньше их объединял двуязычный журнал «Донбасс», теперь их соединяет окружающий Абсурд»⁶.

На метафизическую раздвоенность, как будто действительно существуют два Донецка, указывает и А. Чаленко в эпатажной статье «Блеск и упадок Донецка: записки бывшего дончанина». С одной стороны, «с 2004 года Донецк стал в оппозицию союзу Киева и Львова. Он вдруг неожиданно стал как бы неформальной столицей другой, альтернативной Украины, и многие надеялись на то, что он ею станет не просто «как бы», а станет неким альтернативным центром выработки нового взгляда, новых идей на украинскую государственность», но с другой стороны, «Донецк – это город, из которого всегда хочется уехать. У города очень плохая аура, человек со вкусом и амбициями не хочет в нем задерживаться»⁷. Поэтому, мол, донецкая элита «вместо умственной, новаторской работы, вместо обустройства города» и предпочла переехать в Киев.

Представляется, что такому предпочтению способствовала не столько «плохая аура» самого Донецка или «хорошая аура» Киева, сколько те возможности, которые открылись перед дончанами в паразитирующей столице. Мне кажется, что первоначально мотивы поведения донецкой элиты были вполне рациональны и вытекали из производственных потребностей. Экстенсивно развивающаяся в советское время угольная отрасль постоянно требовала финансовых влиятельных. Пока бюджет находился в руках Москвы, дончане лоббировали свои интересы в столице Союза, но с распадом последнего, они серьезно обратили внимание на Киев. Повлиять на перераспределение государственного бюджета оказалось не так просто, но когда, после серии политических столкновений, это все же удалось, выяснилось, что угольная

⁶ Бондарь-Терещенко И. Добрый Шубин или злой Марк Шейдер? Донецкий «след» в современной литературе / Игорь Бондарь-Терещенко // «Зеркало недели». – 19 сентября 2009. – №35.

⁷ Чаленко А. Блеск и упадок Донецка. Заметки бывшего дончанина [Электронный ресурс] / Александр Чаленко / Режим доступа: <http://polemika.com.ua/news-75440.html#title>

промышленность сама по себе вроде как и не при чем: деньги можно делать на принятии каких угодно решений, чем собственно, и занимались киевские чиновники ранее. Попавшие на властный Олимп дончане всего лишь осознали, что перед ними открылись новые горизонты, не ограниченные сугубо региональными интересами.

Но, возвращаясь к Донецку, если отбросить работающие сугубо на негативный имидж города эпитеты типа «инфернальный», «гетто», «резервация», «плохая аура», следует признать, что тут в полной мере применимы слова «город контрастов». Не только синдром «Дикого поля», но и антиномичность верхнего и нижнего миров нашли свое проявление в ментальных ориентациях дончан, для которых середины будто не существует. Они – максималисты: хвалить – так хвалить, ругать – так ругать. И в этой примитивной двукодовой ментальности достаточно четко вырисовываются следующие приоритеты: материальное считается важнее духовного, прагматичность и утилитарность – важнее романтики и интеллигентности, физический труд – важнее умственного.

Кстати сказать, когда на телешоу у Е. Киселева А. Чаленко воспроизвел свои соображения, полемизирующий с ним Ю. Болдырев напрямую увязал предельный максимализм дончан с шахтой: «Все начинается с шахты. Шахта – это такое место, как фронт. В шахте нельзя сказать: я, кажется, сделал, я немножко сделал. Нельзя так сказать. В шахте или ты сделал, или не сделал. Или ты закрепил выработку, или не закрепил. И если ты в свое время, когда ты работал, не успел сделать свою работу, ты обязан сказать: я не успел, я не сделал. Там нельзя быть беременным наполовину. Потому что если выработка не закреплена, значит, погибнут люди, которые придут после тебя. Поэтому в Донбассе есть «да» и «нет». Есть черное и белое. Там нет, как здесь вот в Киеве: «ну, я с вами полностью согласен, однако придите послезавтра». Донбасс – это место черного и белого, да и нет. И от этого идет, то есть из шахты»⁸.

⁸ Тигипко: миссия МВФ была жесткой в Украине [Электронный ресурс]. Стенограмма ток-шоу Большая политика от 11 ноября 2011 года / Адрес доступа: <http://www.segodnya.ua/transcripts/14309228.html>

Дончане прочно стоят на этой земле, не особенно забывая голову душевными поисками или религиозными исканиями. Они основательны, практичны, расчетливы. А выражения типа «лопата Донбасс прокормит» или «Донбасс порожняк не гонит», кроме прямого, имеют еще и переносный смысл, содержащий веру в исключительность «настоящего донецкого характера». Замечательный портрет донбасской ментальности нарисовал в своих краеведческих очерках Р. В. Манекин. «Донецкие» люди, – пишет он, – конечно, снобы. Инженеры-«валлийцы» Джона Хьюза, конструкторы зятя немецкого «стального короля» Густава Гартмана (основатель паровозостроительного завода в Лисичанске), французы, итальянцы и бельгийцы из окружения барона де Маккара, разумеется, считали себя людьми иного сорта, чем окружающие их мелкие донецкие помещики – вчерашние запорожцы, провинциальные чиновники и, тем более, «подлый» рабочий люд... По свидетельству Константина Паустовского, шахтеры, в свою очередь, несколько свысока относились к украинским селянам. В целом, население Донецкого края в 1970-е годы испытывало к жителям других областей Украины чувство известного превосходства. И это понятно: Донбасс – самый крупный, урбанизированный, самый населенный, экономически развитый и технически грамотный регион Украины. Фундамент экономики Донбасса образует крупная тяжелая промышленность, – с ее неповоротливостью, но и с ее основательностью. Объективно, Донбасс «не вмещался» в рамки Украины-УССР. Географически, этнически, экономически, административно он мало походил на Поднепровскую, Южную, а, тем более, – хуторскую Западную Украину. В XIX веке Донецкий регион выделялся даже на фоне обширной Российской империи («Новороссийское общество», «Русско-Донецкое товарищество», «Продамет», «Продуголь»); в 1960-1970-е гг. Донбасс подчинил своему влиянию громадный Советский Союз (Никита Хрущев, Александр Засядько, Владимир Семичастный, Филипп Бобков, др.). Не следует также забывать, что Донбасс замышлялся, как «Америка Евразии». И, в каче-

стве «новых американцев», донецкие, безусловно, рассчитывали и рассчитывают на особое место в истории»⁹.

Добавим к этому, что исключительность все-таки основывалась на вполне заслуженной трудовой гордости дончан – горняков, металлургов, химиков. В 70-е годы на улицах города появились бигборды с лозунгами: «Донецк – это уголь. Донецк – это сталь. Донецк – это люди, смотрящие вдаль!», каждое шахтерское застолье начиналось со здравницы «За нас, за вас и за Донбасс!», дети в школах скандировали «Донбасс – это я, Донбасс – это ты, Донбасс – это лучшие люди страны!». Упоминает Р. В. Манекин и донецкую любовь к показухе (чем не результат «стахановского движения?»), и нетерпимость к дискриминации на национальной почве эпохи «угольной лихорадки», предвоенных и поствоенных мобилизаций, и привычку к известному материальному благополучию, и технократическую ориентацию мышления донецкой элиты. «Пренебрежительное отношение к гуманитарным отраслям знания, – отмечает он, – имели следствием ее беспомощность в решении конкретно-политических и социально-психологических проблем: в социальной сфере донецкие привыкли поступать «солидно», в крайнем случае, помпезно, пафосно, но редко психологически действенно и политически эффективно»¹⁰.

Будучи детищем промышленной эпохи, Донецк сумел максимально использовать отпущенный Кайросом короткий, как оказалось, период индустриализации для своего превращения в настоящий мегаполис. Ему уже не грозит печальная участь Клондайка, покинутого жителями после исчерпания золотого прииска. Окончание индустриальной эры вызвало кризис, но в отличие от десятков других, ныне депрессивных городов Донбасса, угольная промышленность не стала для Донецка монопольным «градообразователем». Являясь фактической столицей Восточной Украины, где проживает более 8 млн человек, Донецк выиграл за счет своей многомерности и многопрофильности.

⁹ Манекин Р.В. Донецк Forever. Очерки истории донецкого края / Роман Манекин. – М., 2007. – 310 с.

¹⁰ Там же.

Сегодня это – не только промышленный, но и крупный торговый, транспортный, спортивный, туристический, научный, образовательный, культурный (в том числе религиозный и философский) центр.

И именно в сторону данной многопрофильности, в смещении акцента с «подвала» на «срединный мир», на наш взгляд, следует корректировать имидж города.

Сегодня, не в последнюю очередь по причине проведения в Донецке матчей футбольного чемпионата «Евро-2012», городские власти всерьез озаботились негативным имиджем Донецка. Казалось бы, город расцветает, хорошеет на глазах. Лучший в Европе стадион; новый вокзал, аэропорт; благоустроенная набережная Кальмиуса и парк им. Щербакова. «Город миллиона роз», как называли Донецк в советское время, превращается в город небоскребов, торговых центров и дорогих бутиков. И, тем не менее, опять «город контрастов». В глазах обывателей на первом месте стоят отнюдь не шикарные иномарки, разъезжающие по улицам города, а высокий уровень преступности, алкоголизма, наркомании, экологическое неблагополучие. Почему?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, уместно будет обратиться к образу Рета Батлера из романа М. Митчел «Унесенные ветром». Этот быстро, но сомнительными методами разбогатевший мужчина не считался джентльменом, его не принимали в приличном обществе, а одна из героинь сравнила с «мулом в конской сбруе». Оказалось, что заполучить деньги мало, надо еще доказать собственную нравственную состоятельность ими владеть.

Точно также обстоит дело и с Донецком, точнее, с его элитой. Донецк – город-выскачка, он кичлив и амбициозен. Но быстрый взлет в постсоветский период, концентрация огромных капиталов в руках «элиты» не подкреплялись должным социальным сопровождением. Это раздражало, в первую очередь, киевлян, которым пришлось столкнуться с наглостью вторгшихся в их жизнь «харцизов». Но и в самом Донецке большинство осуществленных проектов имеет отношение к крайне узкому кругу лиц, действующих исключительно в собственных финансовых интересах.

В результате разрыв между социальными полюсами только увеличивается. Несмотря на то, что отдельным дончанам все-таки удалось «ухватить Кайроса за чуб» и взлететь на вершину социальной лестницы, большинство населения Донецка были и остаются советскими людьми, соответственно воспитанными на трудовой этике, на ценностях взаимопомощи и коллективизма. Новые времена не столько их переделали, сколько сформировали комплекс неполноценности. На этом фоне даже заслуживающие уважения проекты выглядят фантомами и муляжами. Они неестественны, неорганичны в окружении бедности и нищеты. А имидж Донецка напоминает блестящую обертку, внутри которой – пустота.

Подводя итоги сказанному, хотелось бы отметить, что мероприятия по улучшению имиджа города только тогда приведут к успеху, когда в основу их содержания будут положены не вымученные «на заказ» потуги приглашенных имидж-мейкеров, а разделяемые большинством населения и осевшие в исторической памяти ценности. Городской фольклор, местная мифология, краеведение, литература, политическая и социальная история, наконец, специфика хронотопа города – вот надежная основа для имидж-коррекции.

Науково-популярне видання

МЕТАФІЗИКА ДОНЕЦЬКА

Філософські есе

Відповідальний редактор
Технічний редактор
Коректор
Дизайн обкладинки
Комп'ютерний набір
Комп'ютерна верстка

О. Білокобильський
К. Сидорова
К. Назарчук
Ю. Кисельова
К. Сидорова
С. Федоренко

Підп. до друку 10.11.2012. Формат 60x84 1/16. Папір офісний.
Друк цифровий. Гарнітура Times. Ум. друк. арк. 15,3.
Обл. вид. арк. 11,0. Зам.02112012. Наклад 300 пр.

Видавниче підприємство «Східний видавничий дім»
(Державне свідоцтво № ДК 697 от 30.11.2001)
83086, г. Донецьк, вул. Артема, 45
тел./факс (062) 338-06-97, 337-04-80
e-mail: svd@stels.net

Метафізика Донецька. Філософські есе. — Донецьк: Донецьке відділення
М 41 Наукового товариства ім. Шевченка, ТОВ «Східний видавничий дім»,
2012. — 190 с.

ISBN 978-966-317-157-9

Кожне місто створює певний принцип мислення-розуміння-буття, через який починається особисте осягнення спільних культурних (національних, державних, загальнолодських) обривів. Логіка організації простору, відчуття плину часу, вертикальна поліфонія, динаміка історичного руху сакральних та змістовних центрів, сукупність міфів формують унікальну свідомість себе, іншого та світу. То і є принцип буття, за яким живуть, стверджують трансцендентне та вмирають. Читачеві пропонується феноменологія метафізики, яка фундує «донецьке» мислення. Це сукупність індивідуальних фіксацій загального, поза якими загальне перетворюється на пусту абстракцію. В історичних нарисах, спогадах, роздумах та описах у першу чергу цікава авторська точка зору, яка у спрямованості думки приховано вказує на вихідну екзистенційну позицію. Через окреслення цього ментального топосу сподіваємося наблизитися до розуміння суті міста і характеру людини міста – метафізики Донецька. Автори статей вісника – вчені, письменники, журналісти, молоді науковці – намагалися через власні локальні осягнення поділитися досвідом входження в прихований вимір культурної онтології Донецька, який зазвичай залишається прихованим за строкатим шаром стереотипів, ідеологічних штампів та модних ярликів. Саме тому ця книга може стати й путівником для тих, хто намагається відкрити це місто для себе вперше.

Розраховано на широке коло читачів, що цікавляться історією, етнологією, культурологією та філософією Донецького краю.